

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 3-го июня 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9090

Группа депутатовъ-женщинъ, выбранныхъ въ финляндскій сеймъ.

Кризисъ.

Цѣлый день было пасмурно, и шель дождь. Но къ вечеру поднялся сильный вѣтеръ и разогналъ тучи. Когда лучи заходящаго солнца проникли чрезъ больничныя окна въ палату № 3, громадную комнату на 20 кроватей, больные повеселили. Почти всѣ поднялись съ коекъ и подошли къ окнамъ.

Послышались восклицанья:
— Солнышко, солнышко!..
— Давно ужъ пора.

— Вѣрно; слякоть надоѣла порядкомъ. Почтай недѣлю льетъ дождь.

— Эхъ, славно!..

— Безъ него, братцы, скучно.— Безъ солнышка то...
— Скучновато, что и говорить.

— Прра-вильно!..

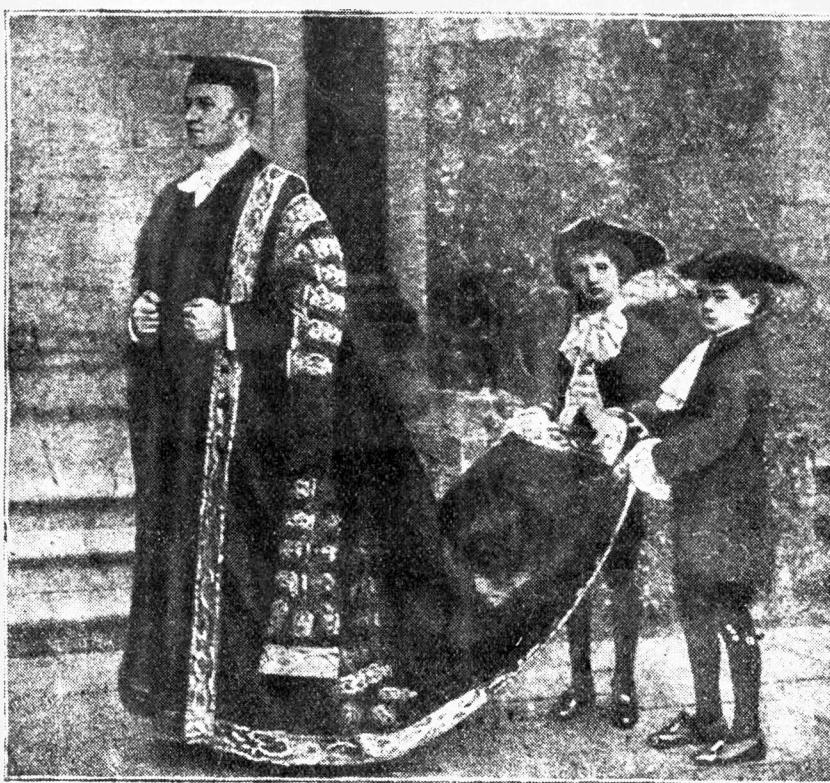
На койкахъ осталось нѣсколько тяжело больныхъ. Среди этихъ находился студентъ Семеновъ. Онъ только что пришелъ въ сознаніе и чувствовалъ себя очень плохо. Его лицо выглядело крайне безжизненно. Оно было мертвенно блѣдно—безъ единой кровинки, со впавшими щеками и заострившимся, какъ у мертвеца, носомъ. Семенова считали безнадежнымъ. Когда онъ поступилъ въ больницу, его положеніе было уже довольно-

но серьезно. Оно стало ухудшаться съ каждымъ часомъ.— Силы быстро падали, температура повышалась. Болѣло у него все. Въ груди безпрерывно что-то клокотало, свистѣло, и дышать было очень трудно. Часто его душилъ жестокій кашель. Тогда его блѣдное лицо становилось краснымъ, какъ пюнь, глаза выкатывались, а длинное, страшно похудѣвшее тѣло, извивалось, какъ змѣя, и странно какъ то подпрыгивало подъ одѣяломъ. Послѣднія двое сутокъ онъ бредилъ почти безъ перерыва. А если и приходилъ въ сознаніе, то не надолго.

Къ утру долженъ былъ наступить кризисъ, но Семеновъ не надѣялся на выздоровленіе. Онъ даже былъ совершенно убѣжденъ, что умретъ, хотя докторъ какъ-то во время осмотра говорилъ ему шутливымъ тономъ, что „все это пустяки— Богъ дастъ, еще лѣть сто проживете“.

Когда въ палатѣ раздались крики: „Солнышко, солнышко!“, Семеновъ вздрогнулъ и, немнogo приподнявшись и повернувшись на бокъ, впился глазами въ солнце, которое глядѣло прямо въ окно.

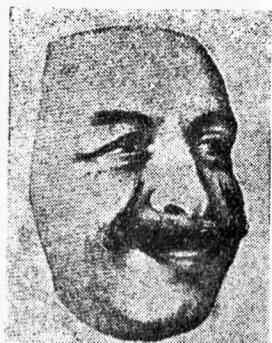
— Солнышко, милое солнышко! — прошепталъ онъ чутъ

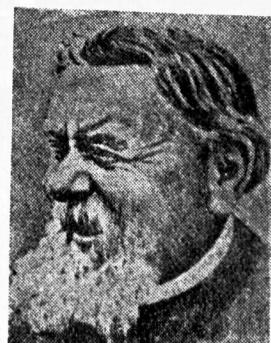
Въ день университетскихъ праздниковъ въ Англіи.

Лордъ Керзонъ въ качествѣ канцлера оксфордскаго университета въ день торжественнаго приема университетскими властями.

Какъ улыбаются люди,
стоящіе во главѣ
государствъ.

Улыбка императора Германіи Вильгельма II.

Улыбка А. Фальера, президента Французской республики.

Улыбка короля Португалии Карлоса.

Улыбка короля Англіи Эдуарда VII.

Улыбка императора Японіи Мучихито.

Улыбка короля Италіи Виктора-Эмманула II.

Улыбка императора австро-імператора Франца-Іосифа.

Улыбка короля Испаніи Альфонса XIII.

Улыбка короля Бельгії Леопольда.

Улыбка королевы Голландіи Вильгельмины.

Улыбка султана Турціи Абдулъ Гамида.

Улыбка папы Римскаго Пія X.

Улыбка султана Марокко.

Улыбка негуса Абиссиніи Менелика.

Мулай-Гафидъ.
Братъ мароккскаго султана, провозглашенный султаномъ.

С. О. Ярошевский.
Писатель, скончавшійся 30 марта въ Самарѣ.

А. А. Коцубинский.
Профессоръ новороссійскаго университета. Скончался 14 мая.

слышно. Дай на тебя наглядѣться —можеть, въ послѣдній разъ.

Но сейчасъ же стало темнѣть въ глазахъ. Онъ беспомощно откинулся на подушку. Обрывки мыслей замелькали въ его головѣ. Вспомнились всѣ радости, горести, страданья... друзья... надежды, мечты. Вспомнилъ онъ о томъ, что ему всего 24 года, что его жизнь, собственно говоря, только началась. Вспомнилось также, что теперь весна и какъ хорошо тамъ —за стѣнами больницы. Какъ онъ любилъ весну! Обожалъ ее до безумія. Жить бы теперь, только жить.

— Эхъ... тяжело умирать! — подумалъ онъ... — Ужасно.

Отъ мыслей голова стала уставать, и онъ скоро забылся.

Когда Семеновъ очнулся опять и открылъ глаза, въ палатѣ уже было темно. Солнце зашло —приближалась ночь. Больные собирались спать. Кто улегся, кто умывался, а кто сидѣлъ на своей койкѣ и вполголоса переговаривался съ сосѣдями. Семеновъ медленно обвелъ комнату глазами: все было скучно и неинтересно. Онъ сталъ глядѣть въ потолокъ. Сзади него раздавалось какое-то странное непріятное гудѣніе. Онъ сначала никакъ не могъ понять, что это такое, и только морщился. Потомъ, заинтересовавшись, напрягъ вниманіе и сообразилъ, что онъ принималъ за гудѣніе разговоръ, который вели позади него двое какихъ-то больныхъ. У одного былъ густой, пріятный басъ, у другого пискливый, взвизгивающій невнятный голосокъ. Семеновъ началъ слушать.

— Такія то дѣла, сударь ты мой. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, ——гудѣлъ басъ.

— Совершенно-съ вѣрно изволили сказать, Афанасій Петровичъ, —поддакнулъ визгливый голосокъ.

— Кто могъ подумать, что такая катавасія приключится. Пріѣхалъ сюды, чтобы хлѣба закупитьть, анъ въ больницу

Одинъ изъ подарковъ Франції русской арміи.
Мраморная доска съ художественно исполненными эмблемами. По угламъ четыре рубина въ видѣ винтовъ. Среди бронзовыхъ пальмъ и лавровъ переломленная шпага.

попалъ. И опостылѣла-жъ мнѣ больница эта самая, хуже горькой рѣдкіи. Ухъ, какъ опостылѣла!.. Тутъ таперича самое дѣловъ по горло, а я прямо зря—безовсякаго толку валяюсь. У купца какинный чѣстъ въ прокъ долженъ идти—вотъ что... Особливо, какъ таперича, когда горячее время.

— Справедливо-съ, справедливо-съ.

— Два мѣсяца провалялся—посуди

только. Энто чортъ побери—прямо бѣда. Наказаніе Божіе, да и только. За грѣхи—не иначе. Таперича не оберешься убытокъ и всякой непріятности... Къ тому-же еще соскучился порядкомъ по женѣ и сыну; да и беспокойно, какъ они тамъ безъ меня. Эхъ—еще тутъ осталось проваландаться цѣлую недѣлю. Хоть бы скорѣе она проходила. А обрадуются мои, какъ пріѣду: и жена, и щедрка. Щедрка облапить меня своими рученками и зачнетъ цѣловать. Любить онъ меня. А славный мальчишокъ, Бутузъ этакій малюсенький, краснощекій, глазастый: у него глазища агромадные, черные и круглые, словно орѣхи. Коль этими глазищами уставится на тебя, глядишь на него, любуешься, ухмыляешься и вдругъ сквишишь на руки и ну цѣловать. А онъ, бестія, облапить тебя и зачнеть чмокать своимъ малюсенькимъ ротикомъ. Эхъ, чортъ возьми, славно!..

Басъ умолкъ, видно, задумался о своихъ. Его собесѣдникъ издалъ носомъ какой-то странный звукъ, потомъ кашлянулъ нѣсколько разъ и вдругъ заговорилъ взволнованнымъ голосомъ, постоянно взвизгивая.

— Вамъ то хорошо-съ, Афанасій Петровичъ. Счастливый вы человѣкъ. Какъ при счастіи жизни не любить, не радоваться ей... Конечно, я понимаю, какъ вамъ-съ тутъ тяжело. А я-съ... Возьмемъ-съ меня теперь. Что я изображаю изъ себя такое?.. скажите?.. А кто его знаетъ что. Какую-то глупую притычку. Я совсѣмъ не нужный человѣкъ—прямо зря окалачиваюсь на свѣтѣ. Никто, ровно никто, не нуждается во мнѣ, и только я всѣмъ мѣшаю, словно я какой-нибудь пень придорожный, на который всякий натыкается. И чего я такой несчастный?.. Я не человѣкъ, а недоразумѣніе одно-съ. Да-съ... Не имѣю никакихъ способностей ни къ чему: за что ни возьмусь, все у меня изъ рукъ валится и ничего не вы-

ходитъ, какъ слѣдуетъ. Какихъ только занятіевъ я не перебралъ—ни къ одному не приткнулся.

Мальчишкомъ меня отдали къ сапожнику, хотѣли, чтобы я человѣкомъ сталъ. Но и года не протекло моему пребыванію у сапожника—я сѣгъ—одолѣли побои. Съ этихъ то самыхъ поръ и пошла моя жизнь скитальческая. Куда меня ни совали (пока мать жила) и куда я самъ ни совался, нигдѣ не везло—то не уживался, то гнали или что-нибудь вродѣ. Скажу вотъ къ примѣру. Былъ я поводатаремъ (тоже еще маленькимъ) у одного слѣпца; тотъ понялъ со мной, да и прогналъ, ибо я не умѣлъ клянчить, какъ слѣдуетъ. Изъ газетчиковъ я оттого ушелъ, что ужъ очень зябъ зимой въ стужу лютую. А то еще... Помню, разъ у меня завелись нѣкія деньжонки—выигралъ въ карты у одного проходимца. Не долго думая, накупилъ я товаровъ и сталъ ходить съ лоткомъ по городу. Но продажа у меня пошла очень плохая,—по какимъ причинамъ—не знаю: или мой голосъ плоховатъ для этого занятія, или что-нибудь другое... Къ тому же много разворовывали: отпустишь на копѣйку, а пока возишься съ покупателемъ, уворуютъ на пятакъ. И дослонялся я до того, что чуть не померъ съ голоду.

Хм... хм... Вотъ теперь я въ больнице. Вы вотъ-съ говорили, что

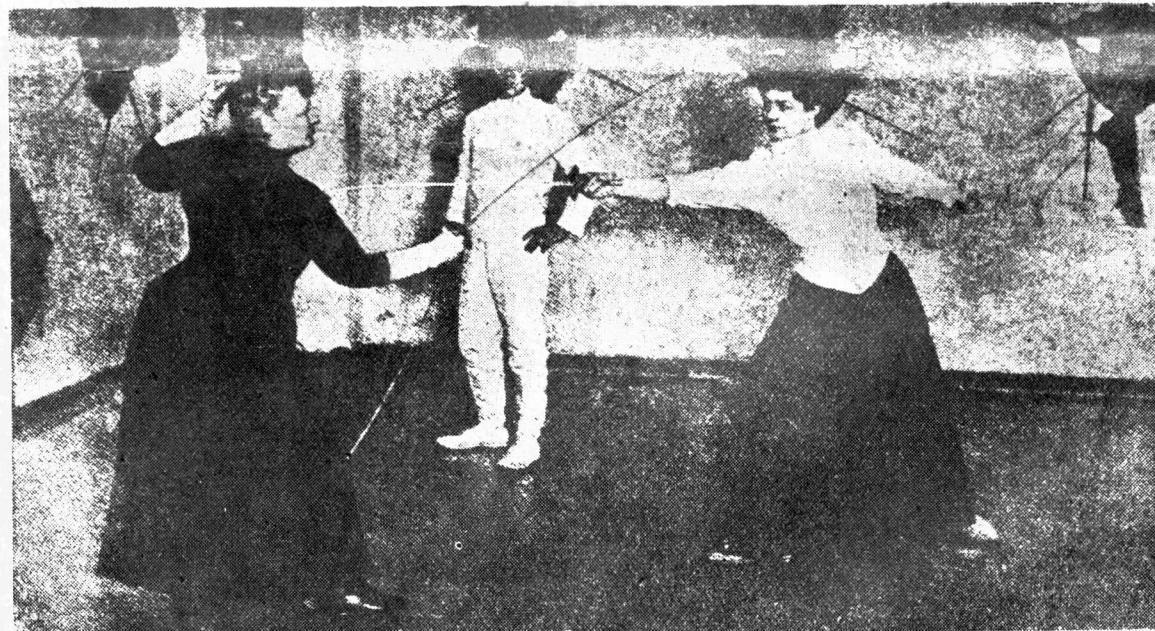
вамъ желается отсюда поскорѣй убраться, а я... Я съ совсѣмъ на-противъ. Только здѣсь мнѣ и ничего себѣ. Я уже здоровъ, но не выписывается—все прикидываюсь больнымъ, ибо, коль выпишусь, куда мнѣ идти...? Самъ не знаю, куда пойду. И чего я не померъ?.. Мнѣ всенепремѣнно слѣдовало бѣ умереть. Такъ нѣтъ же—выжилъ. И смерть меня не беретъ. Всегда бываетъ такъ, что кто не-прочь отъ смерти, того она не тро-нетъ... А вотъ этотъ студентикъ (Семеновъ по-

нялъ, что рѣчь идетъ о немъ, и за-таилъ дыханіе)—этотъ студентикъ, какъ хочетъ жить. Вчера всю ночь бредилъ: „Жить хочу, жить хочу“.. Минѣ страхъ какъ жалко его стало... И вотъ увидите—помретъ онъ. Помретъ, какъ Богъ Святъ! Сегодня у него кризисъ и, пожалуй, къ утру, а можетъ завтра къ вечеру, окачурится.

У Семенова екнуло въ груди. Онъ без-покойно заерзalъ и вдругъ, скватившись за грудь, закашлялъ сухимъ, прерывистымъ кашлемъ, безпомощно барактаясь подъ одѣяломъ. Когда кашель стихъ, онъ неподвижно застылъ на своей койкѣ, устремивъ въ потолокъ безмыслиенные глаза

Новое развлечеіе для дамъ въ Америкѣ.
Катанье въ корзинахъ на крышиахъ домовъ.

Модный дамскій спорѣ.

Бой на рапирахъ между супругою наслѣдного принца германскаго (справа) и придворною дамою княгиней Вреде.

и быстро заговорилъ что-то безсвязное. Снова начался бредъ.

Къ утру Семеновъ успокоился и уснулъ. Ему приснилось большое, большое поле, покрытое высокой рожью съ золотистыми колосьями. Семеновъ шелъ по маленькой тропинкѣ среди ржи и пѣль что-то веселое громкимъ, звонкимъ голосомъ. На небѣ сияло яркое солнце и пекло ему прямо въ голову, легкій вѣтерокъ дулъ въ лицо. И чѣмъ больше онъ шелъ, тѣмъ все болѣе и болѣе имъ овладѣвало какое-то безпричинное счастье. Хотѣлось смеяться, прыгать, кувыркаться или быстро бѣжать впередъ: куда-нибудь далеко.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что уносится отъ земли вверхъ, въ какое то свѣтлое пространство. Въ нѣсколько мгновеній онъ очутился на такой голо-вокружительной высотѣ, что когда взглянулъ внизъ, земли уже не было видно. Ужасъ охватилъ его: онъ громко вскрикнулъ и... проснулся.

Былъ уже день. Солнце пекло ему въ глаза. Въ палатѣ, кромѣ тяжело больныхъ, никого не было—всѣ вышли въ коридоры и гуляли. Онъ почувствовалъ сразу, что съ нимъ произошелъ какой то переломъ. Не было жару, дышалось довольно легко, слабости убавилось чуть ли не на половину.

— Что со мной?.. Странно.

И вдругъ онъ понялъ, что выздоравливаетъ, что миновалъ кризисъ, и теперь онъ будетъ жить.

Его охватила дикая радость. Голова сейчасъ же наполнилась множествомъ самыхъ разнообразныхъ мыслей, на душѣ сдѣлалось удивительно легко, глаза заблестали счастьемъ. Онъ почувствовалъ приливъ новыхъ, свѣжихъ силъ. Ему стало казаться, будто по его тѣлу разливается какая-то магическая цѣлебная жидкость, оживляетъ его и, захлебываясь отъ восторга, счастья и радости, онъ прошепталъ нѣсколько разъ:

— Жить, жить!.. Какъ хороша жизнь...

В. Унковскій.

СМѢСЬ.

Эпидемія безсонницы.

Въ штатѣ Ванзасъ, Сѣверной Америки, недавно былъ проведенъ законъ, согласно которому продажа всѣхъ напитковъ, содержащихъ алкоголь, разрѣшается только изъ аптекъ и не иначе какъ по рецепту врача. Въ результатѣ въ штатѣ развилась настоящая эпидемія безсонницы, единственнымъ средствомъ противъ которой мѣстные врачи считаютъ пиво, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ виски и т. д. Въ теченіе

одного мѣсяца было зарегистрировано четырнадцать тысячъ случаевъ хронической безсонницы. Законодатели Ванзаса поставлены теперь въ очень затруднительное положеніе: съ одной стороны, они видятъ, что законъ систематически обходится, и съ другой—они едва ли рѣшаются „запретить“ безсонницу.